

ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
ЯНВАРЬ 2021 г. ● № 1 (287) ЦЕНА ДОГОВОРНАЯ
Издается редакцией и Союзом писателей России

Валентина ЕРОФЕЕВА

Мы созвучны друг другу!

К итогам литературного года – 2020

По сложившейся в нашем издании традиции мы подводим итоги года ушедшего уже в начале января...

Напомним тому, кто не знает или подзабыл, что издание наше включает в себя бумажную версию газеты и журнала и расширенную электронную сайтовую версию.

Проза, поэзия, критика, публицистика, материалы литературоведения стекаются к нам в изрядном количестве со всех концов нашей Родины (и частично из-за её рубежей). Качество, да и качество этого стекающегося материала позволяет сказать уверенно: русская литература жива, дышит глубоко и свободно, стоит на крепчайших морально-этических позициях, основанных на пушкинском ещё завете:

Два чувства дивно близки нам.

В них обретает сердце пищу –

Любовь к родному пеленищу,

Любовь к отеческим гробам.

На них основано от века

По воле Бога самого

Самостоянье человека –

Залог величия его...

Год 2020 прожит трудный, год прожит трудно. Но «самостоянье человека» – русское, творческое – как «залог величия его» окрепло и закалилось ещё больше.

Да, у нас нет богатых издательств, которые сходу бы выхватывали у русского писателя сотворённое им и «пекли» из него «горячие пирожки» книг на окормление изголодавшегося душою – за эти годы помки и искорёженного разрушительства – читателя. Таких издательств у нас нет. Богатые, проплаченные издательства «пекут» иные «пирожки», либо переполненные фаршем полного отторжения советского периода русской истории, либо напичканные серёжками натурализмом, главным компонентом которого, по примеру многих голливудских фильмов, является обязательное стояние или сидение (бога ради, извините) на унитазах.

Но у нас есть издательства воистину народные – это наше «Бече» с серией книг «Сделано в СССР»: «Любимая проза», «Народная эпопея», «Любимый детектив», а также с современным сериалом: «Сибиряда», «Военные приключения», «Великая судьба России». Кстати, уже в новом году родилась ещё одна серия – «Проза нового века». Первенцем этой серии явился роман Николая Иванова «Реки помнят свои берега». Вот как «Бече» напущает роман: «Это произвольное повествование о современной жизни, роман-сага о семье брянского лесника, бывшего партизана Фёдора Буерашина, охраняющего заражённый Чернобылем лес. Волей офицерской судьбы младший из его сыновей «разведзверь ГРУ» капитан Егор Буерашин во время выполнения задания попадает в плен в Южной Америке. Выстояв и преодолев невероятные трудности, он возвращается на родину в день, когда рушится Советский Союз. Вместо звания Героя получает должность в охране Ельцина; на его глазах происходят события в Беловежской Пуще, которые он не может предотвратить...» (рецензия на роман см. на стр. 4).

Пожелаем серии «Проза нового века» успешного плаванья по океану современной русской литературы. В наше время, когда культура почти полностью отдана на откуп частной коммерческой инициативе, – это героический подвиг, финансовая прибыль от которого иногда равна минусу нулю.

Много благодарных слов можно сказать и о народном журнале «Роман-газета», выпустившем в ушедшем году 24 новых книжки современной русской прозы, среди которой и роман-эпопея Александра Леонидова «Апологет», рекомендованный к печати нашим изданием. Заключительная часть трилогии, событийно охватывающей весь XX век русской истории, надеемся, тоже не останется без внимания «Роман-газеты».

Финансовые трудности этого карантинного, в сущности, года серьёзно ударили и по нашему изданию: вместо запланированных четырёх номеров журнала-приложения мы выпустили лишь один. Сейчас пытаемся найти путь к публикации задуманной «Антологии русского рассказа «Дня литературы» – 2020». Материал собран в редакции огромный, с запасом на 3-4 наших журнальных почти четырёхсотстраничных «толстячка». Проблема лишь в финансировании.

Ушедший год подарил нам новые открытия, добавил в копилку наших авторов и молодых талантов. Поэтом совместно с петербургским отделением Союза молодых литераторов мы выпустили заключительный декабрьский номер газеты, сделав его исключительно молодёжным. Серьёзностью и основательностью своего таланта порадовали критики Анастасия Миронова и Влада Баронцев, прозаики Наталья Мелёхина, Жёня Декина и Сергей Чернов, поэты Екатерина Дедух, Кира Марченкова, Александр Лошкарёв, Дмитрий Ханин, Мария Четверикова... Страницы нашего издания всегда открыты молодым талантам.

Поражают мощной зрелостью пера серьёзные аналитические размышления – а их на сайте издания уже более двадцати! – критика Максима Ершова о прозе Захара Прилепина и Юрия Козлова, Александра Леонидова и Владислава Артёмова, о поэтике Николая Рубцова и Бориса Рыжого. Вот небольшой фрагмент его исследования о романе «Апологет»:

«Александру Леонидову постоянно напоминают «Легенду о Великом Инквизиторе» на том основании, что его персонаж с помощью науки и организаторских талантов администратора – действительно, в прямом смысле слова творит хлеба из камня, как предлагал дьявол. Это же очень важная часть сюжета – как хитрец Алик делает ценные меха из городских канализационных стоков, мёртвые пески превращает в цветущие сады, и т.п.

И в определённом смысле – да, Леонидов напрямую оппонирует Достоевскому, при том что это величайший авторитет в писательском мире для Леонидова. Это вопрос о праве почтительного ученика возражать великому учителю...

– А что же делать? – интересуется Леонидов по итогам «Легенды о великом Инквизиторе». – Радовать, что люди голодные, холодные, разутые, раздетые, лишь бы камни в хлеба не превращались?

Чтобы дьявол не соблазнял нас превращением камней в хлеба – мы сами должны их превратить в хлеба. Без дьявола. Силой Разума, – делает вывод писатель».

Продолжают работать на ниве критики и публиковаться у нас и признанные литературные асы: Валентин Курбатов и Вячеслав Лютый, Андрей Румянцев и Марина Маслова, Александр Медведев и Эдуард Анашкин. Всё резче и объёмнее проявляется феномен критики Марины Масловой, с такой пронзительной распахнутостью души воспринимающей анализируемую ею прозу, что невозможно не откликнуться на её камертоном звучащий голос. Валерий Латынин, подметивший это, отзывается на сайте об одной из её работ так: «Дорогая Марина, своими замечательными комментариями к письмам Бориса Агеева ты побудила мою душу на глубокие размышления о природе болезней духа и тела, как раньше юбилейным эссе о Михаиле Еськове сподобила на чтение его рассказов, в том числе "Чёрная рубашка". Ты замечательный проводник вглубь человеческой души! Поздравляю с премией Евгения Носова! Ты заслужила её своим несомненным дарованием видеть главное в произведениях коллег, даже если это не акцентировали сами авторы»...

Признанные мастера прозы Павел Кренёв и Владимир Крпун, Игорь Изборцев (Смолякин) и Виктор Мельников, крепнувший год от года оригинальный и светлый талант Дмитрия Лагутина и Сергея Мурашева, петербуржец Игорь Бахтин с романом-эпопеей «Предновогодние хлопоты» – всё это тоже наши постоянные и востребованные читателями авторы.

О некоторых из них хочется сказать особо.

Одна из солидных премиальных компаний отказалась недавно от номинации «Современная классика», мотивировав это тем, что нет «сопоставимых по масштабу имен, которых справедливо можно назвать классиками». Можно было бы, скрепя сердце, согласиться на этот категорический императив, если бы эта самая компания не стала притяённо навязывать кандидатурами в будущих классиков вялых *воодоплазающих* и пошло-циничных *гузелей*. Ну да ладно, это проблема глобального характера, ярко прописанная на витринах и во внутреннем содержании всех оставшихся в живых книжных магазинов. «Коммерция превыше всего!» – вот лозунг их и *несолнца*.

А вот у нас есть кандидаты в современные классики. Их не так уж и мало. Но назову пока одного: Павла Кренёва с его источающей любовь, ностальгирующей по светлomu в «жизни былой» прозой. Вот небольшой фрагмент из рассказа «Светлый-пресветлый день»:

«А отец! Поглядели бы вы в этот момент на нашего отца! Он стоял у мотора, держал в руках палку-рулевку, прикрепленную к рулю, и у него было лицо человека, только что проглотившего огромный кусок счастья. Светлое это счастье осветило его всего, в особенности лицо. И лицо отца сейчас издавало внутренний свет. Словно внутри заглясы яркая электролампочка. И весь он выглядел оторопело-торжественным. Чтобы не выдать своё счастье, отец пылился быть равнодушным, он глядел по сторонам и вдаль, будто выглядывая там чего-то. Но сидевшие внутри счастье распирало его, ворочало во всем его немаленьком теле и стремилось показаться всему миру: «Поглядите на меня все! Видите, какое у огромное и красивое!».

Его нельзя было скрыть. Мы все видели, что отец наш в тот момент словно бы парил в воздухе. Над своим мотором, над карбасом, над всеми нами...».

Такими яркими «электролампочками» пропитана вся проза Павла Кренёва (но не публицистика, где он превращается в яростный, рязящий исторической правдой кремьнь-камень). Только в ушедшем 2020 году у прозаика Кренёва в Москве, Архангельске и Болгарии вышло восемь книг. Светонюхон, смеем утверждать. Чем не кандидат в современные классики?

(Окончание – стр.3)

Лауреаты литературной премии года – 2020

Александр ЛЕОНИДОВ (Филиппов)

Реалист прекрасных миражей

О творчестве Ивана Машина

Новый «День Литературы» – №2(12), журнал русских писателей с обложкой кофейных тонов, так дивно сочетающейся с утренним бодрящим напитком, в хорошем смысле слова аристократичное издание, – открыл многогранность интересного и самобытного автора, Ивана Машина. Авторские сборники-номера журнала – замечательная находка редакции, напоминавшая мне педагогику Сухомлинского, ныне подзабытый в массах (как, увы, и настоящая литература) метод «погружения».

Обычный журнальный «толстяк», даже если тематический – всё равно напоминает расписание в школе: урок, переменка, а потом совсем другой урок. И по каждому автору остаётся какая-то недосказанность, отрывистость, словно бы из книги жизни вырвали несколько страниц, и дали прочесть без начала, без конца... Увлекательно, но обрывается на полуслове. Да и начинается, как говорят математики, со «многими неизвестными».

Между тем литература – прежде всего акт понимания. Она не может состояться, если читатель не понял автора, и её бы просто не было, если бы достаточно было сухой информативности без понимания человека, стоящего за текстом. Это в учебнике физики главное – законы Ньютона, а не сам Ньютон. В литературе же так не получится!

Авторский сборник под кофейной обложкой «Дня» – это, прежде всего, Вселенная одного отдельно взятого человека. Вселенная, в которой роман раскрывает суть стихотворения, а стихотворение – наоборот, помогает проникнуть в глубины сущности романа. А публицистика соотносит человека с его персонажами, словно биноклярное зрение, помогает оценить расстояние от автора до его вымысла, авторское восприятие мира с теми мирами, которые автор творит впечатлениями навстречу...

Такой сборник «разных лет» – не только большая честь, признание автора состоявшимся до заветного томика «Избранное», но и, если задуматься, пугающая, как на витрине открытость, обнажённость души и замыслов. Про это можно сказать знаменитыми, часто повторяемыми строками Бориса Пастернака: «И тут кончается искусство, и дышит почва и судьба».

Отдельная публикация отдельного произведения, смешавшегося с толпой других авторов, – всегда лицедейство, актёрская игра, волюно или неволю. Например, Максим Горький не раскрывается ни в «Матери», ни в «Жизни Клима Самгина», ни в своих мемуарах о трудном детстве. Горький играет роль то боская, то интеллигентского сноба, то собирает ветошь, заражающую руки чесоткой, то швыряет деньгами в дорожных ресторанах... Но ни там, ни там – не он до конца. Его – как личность – можно собрать до целостности, только если сложить, как ребенок складывает кубики, всё вместе. И только тогда за Власовым или Самгиным проглянет настоящий Горький...

Шествуя по страницам авторского номера Ивана Машина, мы постепенно раскрываем для себя его мир, зеркалящий высоты и провалы океанного и неприкаянного ХХ века. У Машина есть несколько особенностей, создающих особость его «папирты» и «кисти» художника слова. Прежде всего бросается в глаза фотографический реализм деталей, внимание к мелочам жизни, бережное отношение даже к самым проходным и мимолётным впечатлениям. Но это не «натурализм» во французском смысле слова, которым обозначали бытописателей, достигающих протокольной точности в описании обыденных или неприглядных сторон жизни.

Потому что параллельно с узнаваемыми бытовыми сценками, доносящими до нас дыхание повседневности, убаюкивающую пошлость бытия, – у Машина всегда живёт мир грёз и воображаемых фантомов, некая «вторая реальность» за первой, «данной нам в ощущениях». Предмет не интересен Машину, если этот предмет – не символ чего-то бесплотного, некоего миража человеческого воображения.

Однако это и не символизм, который порой нутажно, порой неуклюже гоняется за символами, превратив ино-

сказание в самоцель! У Машина это именно два мира, один в другом. И сосуществуют они равноправно и одновременно.

Центральный образ, к которому Машин снова и снова возвращается, – это библейский образ блудного сына. Если Бог умирает, чтобы воскреснуть, то человек – исходит, чтобы вернуться. В исходе заключено искушение человеческой природы, которое необходимо в божьем замысле о человеке – как неотъемлемая часть великого дара, свободы воли. Не искушаем только камень – который движется не сам...

Человек выходит – и возвращается, и если он сумеет до конца пройти этот великий круг, именующий жизнью, то жизнь его состоялась, он успел осуществить полный цикл своего предназначения. Часто же бывает так, что жизнь, как песня, оборвана на полуслове – и человек не успевает вернуться туда, откуда вышел. Это – вечный строительный материал для трагедий, начиная с античного театра...

Нельзя обойти стороной такую особенность Машина, как его борьба за великий и могучий русский язык. Это «стояние в традиции» порой делает речь писателя архаичной, вносит немного странную для реалиста тень анахронизма в речи персонажей. Они живут здесь – а говорят, как будто во времена Пушкина...

Но – раскрывая мир Машина посредством погружения во множественность его жанровых исканий – мы понимаем, что для Ивана Машина анахронизм как раз является «новояз», современные жаргонизмы, полаяющие пушкинскую речь, и его языковой консерватизм – не от беспомощности отражения действительности, а наступательный, воспитательный. «О, наше словесное холопство!» – восклицает писатель, заметив вывеску на иностранном языке, и весь контекст выдаёт его внутреннюю боль.

В силу сочетания реализма с символизмом персонажи прозы у Машина больше похожи на «лирических героев», как называют действующих лиц поэзии. В прозе силен мемуарный слой, то подкупающее, искреннее, что называется «проверенным на себе». Но мемуары обычно скучны, а Машин – нет. Потому что у него всё больше получаются «мемуары души и воображения», плотно совмещающие биографические факты и видения, сны, внутренние ощущения и субъективные состояния автора.

Машин – повторяет основные приёмы русской классической литературы, которую мы знаем, как «критический реализм». Но в его авторском отображении «картины маслом» сменяются «акварелью» богатой оттенками субъективности.

Есть в этой размытой видениями акварельности что-то детское, некая простота восприятия ребенка, который умеет превратить стул в дракона, а суроб – в рыцарский замок. Но при внешней простоте размытого рисунка акварельная техника в литературе – одна из самых сложных. И только её текучесть, облачность, зыбкость – при умелом применении открывает перед художником слова и его читателем свои неограниченные возможности и красоту. Она смелыми линиями соединяет микромир с миром общности, и без паузы, без оговорок – тут же возводит человека к макромиру, в иные измерения духа и Вечности.

«Реалистический мистицизм», при всей кажущейся парадоксальности такого определения, отражается в самих названиях произведений Ивана Машина: то вдруг «космическая баллада-фантазия», то «повесть-визит», то «Письмо Всевышнему», то «голос из облака»...

В своих произведениях Машин раскрывает единство людей с природой и меж собою на высоком духовном уровне, показывает романтику человеческой фантазии, преображающей мир, старается разоблачить в сложности внутреннего мира человека.

(Окончание – стр.8)

«Вышла в свет книга!» – какие хорошие слова. Её не было, и вот она вышла. Появилась на всеобщее обозрение, для общей пользы. Это радость. А сейчас, только что, вышла в свет не просто книга, а давно ожидаемая трехтомная «Славянская энциклопедия». Так это уже не просто радость, это вообще праздник.

Именно так: на нашей улице праздник. И главный создатель праздника Олег Анатольевич Платонов, директор Института Русской цивилизации. Он, именно он, все последние годы находящийся под следствием, таскаемый по судам, работающий в помещении, которое подвергалось унизи-тельным обсякам, несмотря на то, что, созидал необходимейший свод известий, фактов, исследований по истории славянства. От древности до наших дней. Олег Платонов привлёк к работе ведущих специалистов во всех областях жизнедеятельности славян, но все главные направления, труды взяла на себя.

Подвиг славянина

Об Энциклопедии Олега Платонова

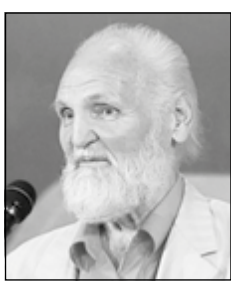
Великий труд! Начиная читать и – не оторваться! Какое богатство имён, описание разнообразнейших событий, какое обилие редких иллюстраций, фотографий! Листваешь и радуешься, что благодаря трехтомнику, всё это не будет забыто. Какой объём документов вводится в научный оборот, какие важные сведения о свершённых предками достижениях закреплены и тем самым дают дорогу новым свершениям в деле укрепления братства славянских народов.

Да, именно братства. Вот чего больше всего боятся враги Христа – братства славян. Славянские земли – последнее и самое надёжное прибежище Иисуса Христа на планете. Братья славяне! – не пустой возглас, это обеспеченный золотом страданий, скреплённый кровью союз единокровных сердец. А то, что терзают нас разногласия, объясняется тем, что нас давно и всегда сороят. Но каждый раз мы возвращаемся к единомыслию. Единомыслие наше – в единой вере Православ-

ной. Святые страдали за веру, стоящие на небесах у Престола Господня, молятся за нас.

Сколько преданий, легенд, былин, песен, обрядов, сказок, загадок многими веками формировали общий славянский характер. Скрепляли дружбу. Былины Киевского цикла уходили от ордынского нашествия на русский Север и сохранялись там. А главное в былинах было – стояние за Землю русскую, за веру Православную. Единые (схожие) приметы, пословицы, поговорки вырабатывали единство образа жизни. Монахи, выращенные аскетическими условиями пребывания в Киево-Печерской лавре, затем основывали монастыри в разных частях Великой России. А вся Богомольная Русь текла в лавру к печерским угодникам.

Энциклопедия исследует исторические пути, пройденные славянством. В ней утверждает мысль, выстраданная веками, что двигатель истории – народ. А душа, дух, стержень народа – вера и труд. «Где труд, там и Божия благодать», – говорит славянская пословица. А то, что нам трудно (и сами слова «труд», «трудно» имеют один и тот же общий корень), – это показатель верности славянского пути. И ещё, важно сказать, вразумление Божие. А вразумлять нас есть за что: великого царя-самодержца с его семьёй отдали на мученическую смерть. Но уже зато и великую цену заплатили за своё преступление, расплатились кровью.

Владимир КРУПИН

ленинизма сражались, не за Сталина, а бился за свои святыни, за землю, доставшуюся от предков.

И от этого на нас главная злоба сатаны и ангелов, слуг его. Доселе неспокойно на наших границах, доселе не смолкает угрозы победы над нами. Но этого никогда не будет. Почему? Энциклопедия всем свои содержанием отвечает на вопрос непобедимости России и, значит, славянского мира. Мы захребетники никогда не были, на чужие хлеба и пространства не зарипились. Вот только ещё бы избавиться от беды нашей славянской – пока мы занимаемся трудами, к власти приходят подлецы и прохидеи и садятся на шею.

Будучи участником юбилейного Всеславянского съезда, приуроченного к 150-летию съезда первого, видел, как представители всех славянских стран клеймят западную политику разединения народов. Но штука в том, что их государства уже состоят в блоке НАТО. То есть их политики пошли против мнения о единении их народа с народом России.

Но несомненно, что расколоть не государства, а народы, ни у кого не получится. Почему? Потому что они спяны самым главным делом – Государственной литургией. А литургия и пере-

водится как общее дело. Энциклопедия Олега Платонова напоминает незбылемые правила миростояния: всё в мире и мы все созданы Богом. Он главный, а дальше? А дальше те, кто ближе к нему. Ближе всех, конечно, славяне. Их мировоззрение выращено обращением к Богу, сотрудничеством с прекрасной природой, крепостью семейных устоев.

Такие и подобные мысли вызываются чтением благодатных страниц Энциклопедии.

С чем сравнить три её тома? Она просит-ся в сравнение и со Словарем Даля, и с «Поэтическими воззрениями славян на природу» Александра Афанасьева, и с «Ладом (очерки о крестьянской эстетике)» Василия Белова. А самого Олега Платонова, свершившего подвиг грандиозного издания, я бы сопоставил с летописцем Нестором, святым покровителем пишущих православных.

Закончим отзыв об Энциклопедии выпиской из неё:

«В «Повести временных лет» земная жизнь рассматривается Нестором как противостояние добра и зла, причём не только как борьба посланников Бога и слуг сатаны, на предчувствие наступающих переломных исторических событий, но как противостояние добрых и злых людей. Последние опаснее бесов, ибо «беси бо Бога боятся», а злой человек ни Бога не боится, ни человека. Именно посредством их множится мировое зло».

Именно так: в мире нет другого противостояния, как только добра и зла, Христа и Велгиара, света и тьмы. Конечно, славяне – люди света. Энциклопедия это доказывает всеми своими тысячами страниц.